

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

ДОМ С
ВИТРАЖОМ

Галина Николаевна Щербакова

Дом с витражом

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168031

Актриса и милиционер: АСТ; 1999

ISBN 5-237-03975-8

Аннотация

Человек слаб и одинок в этом мире. Судьба играет им, как поток – случайной щепкой. Порой нет уже ни надежды спастись, ни желания бороться. И тогда мелькает впереди луч света. Любовь – или то, что ею кажется. И вновь рождается надежда. Потому что Жизнь есть Любовь, а Любовь есть Жизнь... Произведение входит в авторский сборник «Актриса и милиционер».

Галина Щербакова

Дом с витражом

Повесть

После кладбища сразу стали искать деньги. Правда, случился неприятный инцидент. Когда уже вышли за ограду и подошла эта старуха Ворониха.

– Извиняйте меня, детки, – прошамкала она. – Но я и кутю сварила... И компот... Две поллитры давно спрятаны... Для себя... Но Михалыч успел раньше... Можно их тронуть... Зайдемте, выпьем, помянем его... Чтоб по-людски, значить...

– Ой, – возмутилась Ольга. – Кошмар какой! Есть и пить сразу после кладбища... Это по-людски?

– Таков христианский обычай, – с иронией сказал Игорь.

– Я бы выпил, если честно, – пробормотал Максим. – В общем, я замерз.

Все уставились на Веру. На старшую. Но она полдня держалась, думала про эти проклятые деньги. Если сейчас пойдут к старикам, заведется нескончаемый разговор про то, что им абсолютно неинтересно. Скоро и не уйдешь... А когда искать, если вечером поезд?

Ворониха же ждала. Гнездились за ее широкой спиной старики, старухи, на фоне кладбища какие-то особенно ста-

рые и заброшенные. Как кадр из военного фильма. И жалко, и противно.

Вера дернула головой, всем своим видом отказывая им, но они это не понимали. Продолжали стоять. Ждали слов.

– Игорь, ну скажи им ты, – попросила она.

– Спасибо вам большое, – Игорь заговорил так, как только он умел. И выдал класс. Подошел к Воронихе, вынул из ее кармана заскорузлый кулак и поцеловал его. Старуха едва не кончилась от потрясения. Горлом издала какой-то птичий клеткот, замахала руками. Под это они и слиняли. Быстро, быстро побежали прочь. Оля обернулась, а старики все стоят. Мокрые, какие-то полуобщипанные...

«Древний мир! – подумала Оля. – Донаша эра...» Получилась первая строчка считалки: «Древний мир! Донаша эра... Тра-та, та-та наша Вера...»

– Нет, – горячо запротестовала она, – нет! Поминки – это ужасно. Бесчеловечно. Собираются – вы понимаете? – заесть покойника... Горе... Ну?

– Наш дед был для них никакое не горе! – резонно пояснил Игорь. – Просто сосед... И все...

– Но нам-то он все-таки дедушка!

– Тоже не печаль, – встрял Максим. – Моего уже пятнадцать лет как нету... Ваш припозднился...

– Ладно, – прекратила разговоры Вера. – Ладно. Сейчас главное – найти деньги.

Игорь и Оля посмотрели на свою двоюродную сестру, как

смотрели всегда – с легкой неприязнью.

«От нее надо держаться подальше... – говорила мама. – Она заразно больна неприятностями».

Верина мать, тетя Надя, и их отец – родные брат и сестра, дети вот этого, только что похороненного дедушки. Они не дружат между собой и почти не встречаются. Отец о своей сестре говорит так: «Эта психопедопатка Надежда...» В редких случаях, когда тетя Надя появляется в их доме, она обращается к отцу не иначе, как «мой неуважаемый функционер».

Случилось так, что они оба не смогли приехать на похороны. Отец – в Канаде, тетя Надя лежит с переломом ноги. Поэтому-то здесь внуки. В полном составе плюс муж Веры, Максим. «Если нет качества присутствия, – сказала уже мама, – возьмем количеством».

Ехали с удовольствием. Как на развлечение.

Сейчас вот возвращались с кладбища.

Вера шла быстро, обгоняя всех метров на двадцать, и Игорь с Олей переглянулись.

– Зов денег! – тихо заметил Игорь. – Великий зов денег!

Сильнее крови...

Оля вздохнула. Нет, нет, совсем не из-за несовершенства двоюродной сестры – больно надо! Вера – это Вера. Она вздохнула, потому что вздыхала всегда, когда понимала, как любит Игоря. Просто слов у нее не хватало, чтобы выразить свою любовь! Это ж счастье! Это же ей одной такое доста-

лось – иметь Игоря в старших братьях. Половина девчонок школы от него обмирают. Даже молоденькие учительницы смотрят на него неподобающе. Игорь – это высший класс! Как он поцеловал руку старухе. А ведь он на самом деле такой. Удивительный. Мама говорит: «Игорь – оправдание нашей с отцом жизни. Мы всякие, мы разные, все у нас было, извините, не стерильные, а Игорь...» И мама тоже вздохнула. Сроду ей, Оле, не было обидно, что она – не оправдание родителям. Конечно, нет. Она вредная, склочная, если по-честному, то в ней ненависти больше, чем любви... «Тебе бы автомат...» – вздыхает мама.

Абсолютно точно. Ей бы автомат. Она в силу слова давно не верит. Поэтому ей так удивителен абсолютно, уникально миролюбивый и справедливый Игорь. Ему стоит только слово сказать. И уже не надо автомата.

Оля смотрела на спину идущего впереди Игоря и про себя повторяла: «Пусть он никогда не умрет, никогда не умрет, не умрет, не умрет...»

Игорь почувствовал, обернулся:

– Не отставай, козленок!

Догнала его, боднула головой и спросила:

– Мы ведь честно выполнили свою миссию?

– Нет вопросов, – ответил Игорь.

– Закопали глубоко, – некстати влез Максим.

«Господи, – подумала Оля, – два сапога – пара. Максим и Вера. Два уroda... Терпеть их не могу!»

– Значит, так, – это уже когда пришли и Вера обвела глазами крохотную квартирку. – Я ищу в комодке. Игорь в шифоньере. Оля в столе. Ты, Максим, в свободном поиске. Дед мог спрятать, засунуть куда-нибудь под половицу.

– Тогда хана, – засмеялся Игорь. – Это ж сколько половиц отдирать?

– Фу! – возмутилась Оля. – Ты, Вера, просто невозможный человек.

– Конечно! Конечно! – закричала Вера. – Зачем вам деньги? У вас и так все давно есть! Замуж пойдешь, твой крутой папочка тебе любую квартиру на Арбате купит... А я стерва, я сволочь, мне эти деньги дозарезу... Я дом на кирпичики разберу, а найду их...

– Дом глиняный, – засмеялся Игорь. – Как поступишь?

Вера посмотрела на него тупо, потом с остервенением дернула ящик комода так, что он выпал.

– Я в этой мерзости не участвую. – Оля взглянула на Веру с откровенным отвращением, хлопнула дверью и вышла во двор.

Подняв острым плечиком красивую трехцветную куртку, уперев ногу в торчащий из земли камень, иронически оглядывая все вокруг, Оля мысленно рассказывала маме: «Ой, мамочка! Ты себе не представляешь... Верка просто с ума спятила. А вообще все там такая дичь! Этот бывший дедушкин дом...»

Он стоял напротив – этот бывший дедушкин дом. Ни на

что не похожий, нелепый, какой-то даже глупый дом...

В нем сейчас стучали молотки – всю шла перестройка...

* * *

Покойник говорил – наша усадьба. Ему нравилось это старинное слово. Начиналась «усадьба» с временки на каменном куске земли. «Куски» давали для решения жилищной проблемы сразу после войны. Расчет делался правильный – на личную инициативу, на изворотливость. Жить было негде. А хочешь жить – построишь. Воровали все, воровали всё.

Но глаза на это закрывали. А кому смотреть, если те, которые обязаны были этим заниматься по должности, тоже строили из ворованного?

Дед же не воровал...

Собственно, если анализировать всю историю, то это надо положить за основу. Старик ставил принципиально честный дом, а потому и строил его, считай, тридцать лет.

Тут тоже нужна ясность. Дед был бухгалтером-ревизором. Он считал свою профессию ответственнейшей и просто не мог взять чужого и за так. Рука не поднялась бы. Доходило до идиотизма. Уже стояли вокруг готовые дома, уже некоторые сделали побелку по первому разу, первый, так сказать, косметический ремонт, и, расчищая дворы, от души предлагали деду:

– Михалыч, возьми у меня доски (кирпич, песок и так далее). Без дела валяются... Пропадут же по зиме...

– Сколько будет стоить? – высоким голосом спрашивал дед. О деньгах он всегда говорил фальцетом.

– Да нисколько! Я ж себе даром брал...

– Ты себе бери, как хочешь, а мне скажи, сколько стоит.

Хорошие люди называли цену сразу: пятьдесят, мол, рублей (это даже неизвестно какими) или две поллитры и кусок сала. Немного, одним словом. Плохие же на дедовской дурри слегка наживались. Но только слегка. То было время попорядочней нынешнего, и честный человек, хоть и казался идиотом, вызывал все-таки уважение. Или робость, что тоже лежит недалеко от уважения.

Но больше всего дед вызывал все-таки здоровый смех. И не только по поводу норовистости упрямого мужика. Тут уже причиной был сам частный дом, ибо страхолудней его не только на улице – во всем поселке не отыскать. Оторопь брала, какой он был страхолудный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.